

Елена ВОСКНЯН
Фото автора

Банкротство: в поисках «золотой середины»

Эксперты обсудили, в чьих интересах – должника или кредитора – следует совершенствовать законодательство о банкротстве

Эффективное
Антикризисное
Управление

С октября в России вступил в силу закон о несостоятельности (банкротстве) физических лиц. Раньше возможность объявить себя банкротом была доступна только юридическим лицам. Теперь же, если гражданин не может расплатиться с кредитором, он вправе подать заявление в арбитражный суд о признании его банкротом. Правда, долг должен составлять не менее полумиллиона рублей, а срок невыплаты – не менее трех месяцев.

Кроме того, если прежде должнику стоило опасаться преследований коллекторов и кредиторов, теперь после завершения процедуры банкротства он больше ничего не должен.

Профессиональное сообщество всерьез обеспокоено и опасается, что после выхода документа следует ожидать волны банкротств. Поскольку сделать выводы об эффективности закона можно будет лишь через некоторое время, сегодня на повестке дня – развитие отечественного института банкротства, сложности проведения «финансового оздоровления» и непростые случаи из ежедневной практики крупных юридических компаний.

Эти и другие вопросы обсудили на конференции «Институт банкротства в России. Практика и технологии проведения банкротств», организованной газетой «Ведомости» в «Марриот Роял Аврора».

Вектор непонятен

На первой секции говорили о развитии института банкротства в России. Профессор кафедры предпринимательского права МГУ, д.ю.н. Светлана Карелина предложила коллегам обратиться к мировой практике: этот вопрос давно изучается во многих странах, и тот вектор, который в итоге выбирают законодатели, играет ключевую роль в формировании целостной концепции несостоятельности банкротства в том или ином государстве.

Докладчик напомнила: сегодня в мире выработаны пять основных моделей, касающихся направления развития законодательства о банкротстве. Для правовой системы Англии и стран, примыкающих к англо-американской системе права, характерно радикально прокредиторское законодательство, основная задача которого – удовлетворение требований кредиторов. Классическим представителем умеренно прокредитор-

ского принято считать законодательство Германии. Его особенность в том, что, кроме интересов кредиторов, учитываются интересы и других участников процесса. В США нейтральная система законодательства, часто именуемая законодательством «золотой середины», поскольку старается учитывать интересы и должника, и кредиторов. Кстати, долгое время российское законодательство о банкротстве на послереформенном этапе относили именно к этой модели. Умеренно продолжниковое законодательство принято в Испании, его отличительная особенность – преимущественная защита интересов должника: государство стремится создать для должника все необходимые условия по выходу из критической ситуации, чтобы помочь освободиться от долга и получить возможность нового старта. Радикаль-

Светлана
КАРЕЛИНА

но продолжниковое законодательство действует во Франции, где, помимо собственного закона в сфере банкротства, есть закон о судебных восстановительных процедурах, финансовом оздоровлении компаний – в России давно говорится о необходимости такого документа.

С российским законодательством о банкротстве ситуация сложнее. Закон 1998 года «О несостоятельности (банкротстве)» был, скорее, прокредиторским: в нем был заложен механизм максимально возможных способов удовлетворения требований кредиторов, зачастую за счет ликвидации должника, а концептуальная основа института несостоятельности (банкротства) выстраивалась вокруг идеи защиты прав собственника. Правовое применение документа вызывало множество проблем, в частности связанных с тем, что должник был практически отстранен от возможности повлиять на процесс инициирования в отношении него процесса банкротства. В результате институт банкротства стали воспринимать как нечто негативное.

– Закон 2002 года «О несостоятельности (банкротстве)», который мы условно называем «ныне действующим», в отличие от своей первоначальной версии, претерпел значительные изменения – в него внесено множество поправок. В изначальной редакции он задавал вектор на продолжниковое законодательство, защиту интересов должника, предусматривал не известную до того времени процедуру финансового оздоровления. Кроме того, законодателем были предусмотрены отдельные основания, позволяющие вводить внешнее управление, помимо воли

собрания кредиторов. После того как специальный закон о несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций признан утратившим силу и многие его нормы перешли в общий закон, вектор главного документа заметно изменился в сторону прокредиторской направленности, – заметила Светлана Карелина. – Вряд ли возможно однозначно ответить на вопрос – стоит ли нам «направлять» закон о банкротстве в то или иное русло, поскольку, на мой взгляд, здесь важна иная идея, а именно – с помощью каких средств, инструментов институт банкротства сможет обеспечить стабильность рынка и всей экономики в целом.

Социум любит должников

Поделится мнением по обсуждаемому вопросу управляющий партнер адвокатского бюро «Бартолиус», к.ю.н. Юлий Тай.

– В последнее время много говорится о финансовом оздоровлении, которое сегодня в России фактически не работает, но не из-за отсутствия соответствующей нормы в законе, а потому, что в стране нет экономического потенциала, финансовых ресурсов, чтобы кого-то развивать. Мы живем по закону джунглей: каждый сам за себя. С другой стороны, предприниматели видят, что далеко не все предприятия находятся в одинаковых условиях: одних мы бережем, защищаем от кредиторов, осуществляем господдержку, как финансовую, так и путем «словесных интервенций». Рано или поздно неэффективный бизнес погибнет, это неизбежно. В результате получим эффект «домино»: «падая», крупнейшие предприятия повлекут за собой многие другие компании, включая банки. Пострадают все, ведь в рыночной экономике все взаимосвязано, это как в биологии «пищевые цепи» – сильный съедает слабого, –

отметил Юлий. – Все усложняется тем, что есть отдельные субъекты, которым государство готово бесконечно помогать, ссылаясь на их размеры, градообразующее или стратегическое значение, что называется «too big to fall» («слишком большие, чтобы упасть»). Они – словно «неестественные наросты» на относительно логичной прокредиторской системе.

Затронул спикер и другую проблему, которую пока не удастся победить: социум любит должников – граждане жалеют должника, к которому пришли злые кредиторы и угрожают применить определенные меры. Интересно, что во многих странах иное восприятие ситуации: ты взял деньги и должен их вернуть. Если не возвращаешь – не просто нарушаешь принцип исполнения обязательств, но и морально-этическое правило: выполняй то, что обещал.

– Считаю, это правильный подход. До тех пор, пока будем всех жалеть, никакие изменения законодательства не переломят ситуацию. Если позиция общества и руководства страны в отношении должников изменится, тогда наше законодательство наконец станет прокредиторским. Правда, для этого нужна либо политическая воля, либо постепенное ментальное изменение сознания людей, – подчеркнул эксперт.

Хотя многие выступавшие поддержали идею финансового оздоровления, у Юлиа Тая иная позиция:

– Конечно, я тоже за созидание: нужно построить дом, посадить дерево, воспитать сына, а не сломать и не убить. Однако в таком подходе изначально заложен некий романтизм, мало кто задумается об экономической составляющей. Недавно у меня был спор с приверженцами «оздоровительных процедур». Позиция оппонента сводилась к тому, что онкобольные часто умирают, но это не значит, что им не надо помогать. В ответ я привел другую медицинскую аналогию: в нашем случае речь идет, скорее, не об онкобольном, который, страдает сам, но никого не заражает, а о тифозном больном, которого мы бросаем в центр огромного стадиона, где идет концерт и собралось много народа. Это с легкостью можно экстраполировать и в сферу несостоятельности. В результате экономически неэффективной деятельности предприятия накапливают задолженность перед многими контрагентами, образуя некий экономический тромб в обмене ценностей и экономических благ. Таким образом, страдает не только неплатежеспособный субъект, но и окружающие. Например, промышленное предприятие неэффективно и накапливает долги перед заказчиками продукции, поставщиками сырья, работниками, банками. В результате его личная проблема становится общей. Я за то,

чтобы помочь тем, кого еще можно оздоровить. Если предприятие попало в тяжелую экономическую ситуацию по каким-то форс-мажорным обстоятельствам или из-за неплатежей со стороны государства, банкротства банка, при котором «зависли» крупные суммы, государство и общество должны ему помочь. Только практика показывает: таких очень мало, большую часть нужно ликвидировать.

Эксперт напомнил: были ситуации, когда «мертвые» предприятия советских времен «лежали на боку» с «красными» директором, который ничего не умеет, не может привыкнуть к новым условиям и правилам игры. Когда ситуация становилась критической, к управлению приходили другие, более эффективные собственники и поднимали это предприятие, налаживали производство, создавали новые рабочие места. Такое развитие событий не нужно сбрасывать со счетов, утверждая, что банкротство – смерть предприятия. «Смерть» через банкротство стоит рассматривать, скорее, как новый старт – у предприятия появляется шанс на вторую жизнь. Конечно, нельзя допускать, чтобы перспективное промышленное предприятие разбиралось на части и сдавалось на металлолом, но и помогать экономическим аутсайдерам вряд ли стоит.

– Давайте беречь не собственников, а сохранять производство, – обратился к коллегам Юлий Тай. – Еще в законе 1998 года «О несостоятельности (банкротстве)» говорится, что арбитражный управляющий должен действовать в интересах кредиторов, должников и общества. Именно социум я бы поставил на приоритетное место, и работать, считаю, нужно не в интересах кредитора или должника, а общества, всей экономики. Как экономике государства будет лучше, так и нужно поступать. Попытка любыми способами удержать на плаву заведомо «мертвое» предприятие ничем хорошим ни для экономики, ни для кредитора, ни для общества, ни для должника не закончится. От этого выиграют только собственники, не способные управлять предприятием и поддерживать нормальный экономический процесс.

Не верит в финансовое оздоровление и первый заместитель председателя совета Исследовательского центра частного права им. С. С. Алексеева при Президенте РФ, к.ю.н. Андрей Егоров.

– Американцы поняли простую вещь: они предлагают финансовое оздоровление, если оно выгодно кредиторам, ведь бизнес «на ходу» стоит дороже, чем если разделить его или вообще увести в банкротство, – подчеркнул спикер. – В России проще уничтожить слабое предприятие, нежели провести его финансовое оздоровление.

Юлий ТАЙ

Светлана Карелина: «Хватит заниматься латанием дыр и смотреть на Запад»

– Выслушав коллег, я еще раз убедилась в мысли, которую озвучиваю уже много лет, – нам нужна своя концепция банкротства. Хватит заниматься бесконечным латанием дыр в законодательстве и подглядыванием того, что есть на Западе. Нам нужна собственная, совершенно новая концепция, совершенно новый взгляд на институт банкротства, на его место в рыночной экономике. Только так мы сможем обеспечить стабильность рынка.

Юлий Тай: «Давайте остановимся и разберемся с тем, что есть»

– Еще в марте 2012 года заместителя председателя ВАС РФ, авторитетнейшего специалиста в области несостоятельности Василия Владимировича Витрянского

в одном из интервью спросили про реформу законодательства, он ответил: «Будь моя воля, я бы ввел мораторий лет на пять на внесение любых изменений в законодательство о банкротстве». Смысл его слов сводится к тому, что сначала нужно разобраться, 47 раз отмерить и только потом решить – стоит ли отрезать? В закон «О несостоятельности (банкротстве)» с 2002 года уже внесено более 300 поправок, объем текста увеличился в три раза, и, если будет принята глава о финансовом оздоровлении, вместе с дополнениями по торгам документ превысит объем Гражданского кодекса РФ. В самом начале закон был небольшим, компактным, а сегодня с этими пятьюстами страницами текста юристам (как судьям, так и представителям) совершенно невозможно работать. В 2014 году внесено семь поправок, в 2015-м – уже пять. Давайте наконец остановимся и разберемся с тем, что есть.

Другая цель

Директор Центра проблем банкротства Алексей Юхнин заметил: все же основная цель процедуры банкротства – не финансовое оздоровление или реабилитационные процедуры, а соразмерное и справедливое удовлетворение требований кредитора, что должны обеспечить законодатель и правоприменитель.

– Конкурсный управляющий, занимаясь банкротством, аккумулирует денежные средства и распределяет среди кредиторов. В этом смысле оспаривание сделок – крайне важный инструмент, поскольку позволяет определить, насколько объективно распределены средства, и сократить число так называемых «нечестных» сделок. Другой вопрос, что законодательство не может использовать данный термин и, чтобы оспорить подобные сделки, приходится искать подходы к должной нормативной регламентации, – комментирует Алексей Юхнин. – В то же время, кроме необходимости обеспечить соразмерные и справедливые удовлетворения требований кредиторов, существует общая задача гражданского права – обеспечение стабильности гражданского оборота: определенности и неизменности прав и обязанностей субъектов оборота. Две задачи – оспаривание сделок в процедурах банкротства и необходимость обеспечить стабильность гражданского оборота – находятся в постоянном конфликте, из-за чего законодателю и правоприменителю постоянно приходится искать некую точку равновесия, чтобы обеспечить максимально возможное оспаривание нечестных сделок. Надо отметить, что некоторые сделки хотя формально и подпадают под описание норм закона «О не-

состоятельности (банкротстве)» об оспаривании сделок, по сути, являются честными: когда, например, вторая сторона не знала и не могла знать о спорном характере сделки. В этом случае задача о законодателя, и правоприменителя – обеспечить таким сделкам стабильность и правовую защиту.

Эксперт напомнил: правила законодательства об оспаривании сделок со временем меняются. В законе 1992 года речь шла в основном об оспаривании сделок, которые сегодня называются преференциальными (направленными на создание преимуществ в удовлетворении требований по ним, по сравнению с другими требованиями). В законе 1998 года добавилась другая категория сделок – сделки с заинтересованными лицами, имеющие намерение причинить вред кредиторам. Сегодня в законе описаны две основные категории сделок, потенциально подверженных оспариванию. Это сделки с преимущественным удовлетворением требований кредитора и «подозрительные» сделки, совершенные либо с намерением причинить вред другим кредиторам, либо сделки с заведомо несправедливыми рыночными условиями. Обе категории весьма распространены на практике.

Также Алексей привел статистику споров о недействительности сделок по банкротным основаниям, по данным Единого федерального реестра сведений о банкротстве, без учета «Агентства по страхованию вкладов». Всего за четыре квартала (третий и четвертый кварталы 2014 года, первый и второй кварталы 2015-го) принято 2688 заявлений о признании сделок должника недействительными, из них рассмотрено 2519, а удовлетворено более тысячи заявлений.

Приведенные показатели пока не с чем сравнивать, поскольку статистики за иные периоды нет. С одной стороны, оспариваемых сделок достаточно много, а с другой – лишь 40% подобных исков удовлетворяется, что свидетельствует о продолжающемся поиске «золотой середины» в применении норм о недействительности сделок по специальным основаниям закона о банкротстве.

Кто прав, кто виноват?

Интерес собравшихся вызвала секция, посвященная технологиям проведения банкротств. О специальных способах защиты интересов кредиторов в рамках дела о банкротстве, в соотношении с общими способами защиты рассказал партнер BGP Litigation Александр Ванеев.

Спикер привел в пример ситуацию, связанную с инвестированием, которую усложняет наличие нескольких участников, совершенная ими цепочка сделок и наличие офшорной компании, являющейся конечным приобретателем.

Одному лицу – застройщику – принадлежит право на земельный участок, а второе лицо – инвестор – вкладывает средства в строительство. Между инвестором и застройщиком заключается договор, который может по-разному называться, но суть отношений от этого не меняется: по окончании строительства в соответствии с данным документом инвестору должна быть передана часть помещений в построенном объекте. В ситуации, о которой рассказал Александр, инвестор оказался банкротом до окончания строительства. Застройщик в этот период, действуя явно в ущерб интересам инвестора, зарегистрировал право собственности на недостроенный объект на себя и затем внес его в уставный капитал третьего лица, а полученную долю в уставном капитале передал другой организации, зарегистрированной в Республике Панама.

Понятно, что у инвестора есть право требования к застройщику, но нет права требования в отношении самого объекта недвижимости, хотя тот построен за его деньги. Инвестор может потребовать через суд возместить убытки, но это в результате ничего не даст, ведь застройщик на этот момент является «пустой» компанией.

– Известно, что нормы об оспаривании сделок, установленные законодательством о банкротстве, призваны защищать не столько должника, сколько его кредиторов. У кредиторов существует определенный самостоятельный интерес, который не совпадает с интересом должника, – комментирует эксперт. – Действия конкурсного управляющего в этой ситуации должны сводиться к одновременному оспариванию всей цепочки сделок и при-

менению такого способа защиты, как восстановление права. В нашей ситуации дополнительным и достаточно интересным препятствием стало решение третейского суда, которое было принесено ответчиками по заявленным искам на первое же судебное заседание. Согласно данному решению, договор, на основании которого производилось инвестирование, признан недействительным. После этого суд, рассматривавший дело о банкротстве, поставил вопрос о необходимости отмены этого третейского решения. Эта позиция не является однозначной: в ситуации, когда ряд лиц намеренно совершает множество отдельных действий, чтобы затруднить возврат имущества и восстановление прав, именно суд, рассматривающий дело о банкротстве, должен изучить ситуацию целиком, оценить в том числе решение третейского суда как элемент схемы по выводу актива и применить соответствующие последствия.

Подобные непрозрачные ситуации, по словам Александра Ванеева, не являются повсеместными, поэтому практика по ним окончательно не сформирована. Однако тенденции, которые мы сегодня видим, свидетельствуют о готовности судов предпринимать шаги для эффективной защиты прав кредиторов, что полностью соответствует цели законодательного регулирования в этой сфере.

Привлекательно, но рискованно

Россия, будучи привлекательной для инвестора, привлекательна ровно до того момента, пока он, прекрасно понимая, что он входит в высокорисковый актив, не сталкивается с действительностью, считает партнер юридической фирмы Lidings Степан Гузей.

– Иностранные инвесторы также подвержены банкротству. Оно может быть глобальным, когда что-то не срослось далеко за пределами своей страны и закончились деньги, либо «локальным» – инвестор столкнулся с проблемой неэффективного управления на территории России и пытается спасти то, что осталось от средств, вложенных в те или иные направления бизнеса в России, – рассказывает спикер. – Простая история: инвестор зашел на территорию нашей стра-

Александр ВАНЕЕВ,
Степан ГУЗЕЙ

ны и открыл здесь российское представительство иностранного холдинга. Он изначально понимает, что это большой риск и, возможно, придется столкнуться со множеством вопросов, которые если даже были ему объяснены, на практике развиваются по-другому, нежели за границей. Например, фактически единственная направленность процедуры банкротства в России – максимально эффективно «затопить» компанию, то есть избавиться от долгового бремени с минимальными выплатами кредиторам и ликвидировать юридическое лицо. В своей же стране в подобной ситуации он может рассчитывать на разумную и эффективную реструктуризацию долгов и даже на полное восстановление бизнеса.

Как правило, крупные холдинги имеют штаб-квартиры в таких юрисдикциях, как Япония, Великобритания, США и других странах, что дает им юридические гарантии «чистоты» банкротных процедур, возможности долгосрочного планирования стратегии и тактики, в том числе при банкротстве. В результате в силу высокого развития уровня законодательства и наличия обусловленных этим гарантий процесс банкротства становится прозрачным, но только до тех пор, пока не сталкиваются с юрисдикциями стран СНГ или специфическими юрисдикциями типа Индии. Кстати, Индия похожа на Россию в плане банкротства:

там тоже любят затягивать банкротные процедуры на годы – некоторые дела о банкротстве у них тянутся по 17 – 20 лет.

– В российском законе «О несостоятельности (банкротстве)» всего один пункт посвящен международному вопросу, да и этот пункт не самодостаточен. В нем говорится, что Россия готова поучаствовать в международных банкротствах только в том случае, если заключен международный договор, регулирующий вопросы двустороннего или многостороннего банкротства между Россией и другим (или другими) государством. А ведь до сих пор ни один международный договор, посвященный проблемам международного банкротства, заключен не был, – заметил эксперт. – Когда в случае банкротства дочерней компании иностранец пытается вернуть деньги, ему приходится сначала пройти судебную процедуру по взысканию долга за границей в обычном либо ускоренном порядке, дойти до исполнения судебного акта, затем пройти такую же

процедуру в России. Это два параллельных или, чаще всего, следующих друг за другом процесса. Правда, в хорошем случае инвестору приходится проходить процедуру только в одном месте. Если процедура пройдена за границей, инвестор пытается добиться, чтобы решение иностранного государственного суда было приведено в исполнение в России. Отрадно, что до настоящего момента практика по признанию и приведению в исполнение иностранных судебных решений складывается для иностранных компаний в России позитивно.

Спикер акцентировал внимание на том, что иностранный инвестор, приходящий в Россию или уже работающий у нас, должен понимать, что бизнес нуждается в контроле.

– Ситуация за предыдущие годы не сильно поменялась, Россия остается юрисдикцией с высокими страновыми рисками: высокая отдача на вложенные инвестиции идет рука об руку с риском потерять всё, – резюмировал Степан Гузей.

Независимая гарантия будет более популярна

Безусловно, банкротство – сложный и чаще всего болезненный процесс, который, ко всему прочему, может быть осложнен различными специфическими проблемами. Например, когда банкротится не одно предприятие, а целая группа компаний.

– Подобные случаи нередки в нашей практике, – подчеркнул советник юридической фирмы White&Case Павел Булатов. – Бывает, один или несколько кредитов берет одна операционная компания, а другие компании – активодержатели или бенефициары – предоставляют в обеспечение поручительства и залоги. Соответственно, в случае банкротства группы компаний третьи лица – поручители и залогодатели – выплачивают часть требований основного кредитора, в большинстве случаев им выступает банк. Однако к такому третьему лицу, исполнившему обязательство за должника, переходят права по этому обязательству и права, принадлежавшие кредитору как залогодержателю – то есть у третьего лица возникает обратное требование к заемщику, конкурирующее с требованием первоначального кредитора.

До 1 июня 2015 года законодательство довольно скупо описывало подобные ситуации и судебная практика исходила из следующих позиций. Признавалось, что обратное требование дает право голоса в рамках дела о банкротстве, его можно включать в реестр требований кредиторов, чаще всего через проведение процессуального правопреемства. Однако по поводу порядка и способов

погашения задолженности суды занимали прямо противоположные позиции. Одни суды со ссылкой на п. 30 постановления Пленума ВАС РФ № 42 от 12 июля 2012 г. «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством» утверждали: требование поручителя-залогодателя имеет равный статус с требованием основного кредитора и погашается пропорционально. Другие суды считали, что такое требование поручителя-залогодателя субординировано (находится в подчинении) по отношению к главному требованию и может погашаться только после того, как будут исполнены обязательства основного кредитора.

С 1 июня ситуация радикально изменилась: теперь, согласно закону (п. 4 ст. 364, п. 1 ст. 335 ГК РФ), требования поручителя и залогодателя субординированы и потому не могут быть выплачены вперед требования основного кредитора. Это касается только договоров, заключенных после 1 июня.

– К сожалению, даже внесенные в закон изменения не решили всех проблем, – подчеркнул Павел Булатов. – Например, с 1 июня возник такой институт, как независимая гарантия. Такая гарантия может выдаваться любыми коммерческими организациями, не только банками, и, по существу, представляет собой форму абстрактного поручительства – такого поручительства, исполнение по которому не будет ничем обусловлено. Минус данного института в том, что при исполнении гарантом обязательства за принципала появляется возможность предъявления независимого регрессного требования гаранта к принципалу, которое несубординировано. В то же время при исполнении поручителем обязательства за должника предъявление обратного требования может расцениваться как действие во вред кредитору и не допускаться. Таким образом, кредиторы могут столкнуться с проблемой, что было бы выгоднее получить поручительство, чем гарантию. Тем не менее на практике, я считаю, независимая гарантия будет более популярна именно в силу ее абстрактного характера.

Кроме того, на практике бывает, что суды не учитывают, что денежное требование подразумевает не только основной долг, но и проценты, мораторные проценты, штрафы и пени. Поэтому, когда происходит реализация предмета залога третьего лица или когда поручитель выплачивает денежные средства, необходимо оценить, какая часть денежного требования погашена. Очевидно, если погашены мораторные проценты, то они хотя и удовлетворяются так же, как и основной долг, но не включаются в реестр и не дают права голоса. Некоторые

суды не обращают внимания на погашение процентов или пени и не определяют размер оставшегося основного долга при процессуальном правопреемстве, а некоторые данную очередность погашения учитывают.

Также, по словам спикера, нередки ситуации, когда залогодатель предоставляет обеспечение не для одного, а для двух кредитов. Должниками по ним выступают разные общества. Возникает вопрос: как распределяются денежные средства от продажи предмета залога – на погашение первого или второго кредита? Данная ситуация была урегулирована законом только для договоров, заключенных после 1 июня 2015 года: очередность погашения определяется залогодателем (ст. 319.1 ГК РФ). Для ранее заключенных договоров неопределенность сохраняется.

В завершение конференции, подводя итоги насыщенного обсуждения, спикеры отмечали: хотя очевидно, что институт банкротства в России нуждается в дальнейшем развитии и реформировании, этот процесс должен быть максимально продуманным и четким. Не стоит хвататься за любые возможные решения, надеясь тем самым улучшить систему. Нужно действовать постепенно и очень аккуратно. Многие поддержали позицию Степана Гузея:

– Мы проходим тяжелый путь, который обусловлен недавним появлением института частной собственности – в сравнении, например, с США, европейскими государствами. В конце этого пути, надеюсь, мы получим институт банкротства, который будет являться эффективным как по отношению к должнику – давать ему возможность в том числе восстановить пошатнувшийся бизнес, так и к кредитору – давать возможность долгосрочного планирования и гарантии получения инвестиций или долгов. По крайней мере, к этому нужно стремиться, – заключил он.

Алексей ЮХНИН

